

«Эффект бабочки» Рэя Брэдбери, или О рисках образовательной политики

Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь сумы,
Не бойтесь мора и глада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»
Кто скажет: «Идите, люди, за мной,
Я вас научу, как надо!»
Александр Галич

Умирают мои старики –
Мои боги, мои педагоги,
Прологатели торной дороги,
Где шаги мои были легки.
Борис Слуцкий

Н

е многим рассказам доводится превратиться в притчу, передаваемую из поколения в поколение, как это произошло с рассказом Рэя Брэдбери «И грянул гром», который стал также известен благодаря вышедшему по его мотивам одноименному фильму. Герой этого рассказа, посланный машиной времени в да-

лекоое прошлое, сталкивается с тиранозавром, сходит с проложенной сквозь время тропы и со страхом обнаруживает по следам на своем ботинке, что... он раздавил бабочку. Когда же он возвращается в свой век, то оказывается в стране с другим президентом, с другим режимом и вообще – в изменившейся социальной и исторической реальности.

Притча Рэя Брэдбери имеет отношение к любой политике и, как это ни парадок-

сально, самое прямое отношение – к образовательной политике. Как только в образовательной политике мы наступаем на «бабочку Брэдбери», увеличиваются риски самых неожиданных деформаций между поколениями вплоть до описанного Вильямом Шекспиром синдрома распада связи времен.

Это происходит потому, что, как мы не раз уже писали, образовательная политика – это прежде всего политика управления рисками личностной и профессиональной социализации, конструирования социальных норм и в целом менталитета населения страны, а не только политика управления знаниями и адаптации к рынкам труда и занятости.

Любой управленческий спринт в образовательной политике оборачивается рано или поздно рисками сломанных судеб детей, молодежи, учителей, педагогов, управленцев и родителей. Он может обернуться подобными рисками даже тогда, когда те или иные управленческие действия, нормативные акты, за-

конотворческие инициативы рождаются из самых чистых и благородных помыслов.

Так, например, еще в конце 1980-х гг. я делал все для того, чтобы комиссии по делам несовершеннолетних превратились в *социальную адвокатуру детства*. Именно тогда усилия многих моих коллег из мира управления образованием сфокусировались на том, чтобы в этих комиссиях место прокурора, ключевой фигуры оценки действий несовершеннолетних правонарушителей, заняли адвокаты – мастера защиты прав детей, чтобы появились, как в ряде других стран, семейные суды, чтобы была создана служба социально-психолого-медико-педагогической (самого жуть берет от наворота терминов) поддержки детства. И наконец, чтобы в России появилась ювенальная юстиция.

Повторяюсь, наши помыслы были чисты. Но, как говорят, благими намерениями выстлана дорога в ад. И мы, увы, сегодня наступили на «бабочку Рэя Брэдбери»...

У детей, как об этом ярко сказано в статье Марии Тендряковой, помещенной в этом номере нашего журнала, стали нарождаться особые социальные нормы – «нормы доноса» на своих родителей. И получается, что вместо «возлюби ближнего своего...» мы строим в сознании целого поколения детей и подростков совсем иную заповедь: «донеси на ближнего своего» – и волей-неволей убеждаемся в том, что в жизни предадут... только самые преданные люди, только близкие и свои...

Повторю, что я обратился к случаю с несистемным введением в действие принципов ювенальной юстиции без учета социальных и этических последствий этого политического шага, без оценки рисков для социализации подрастающих поколений прежде всего для того, чтобы показать, что социальная и образовательная политика – это всегда политика управления рисками, политика конструирования социальных норм поведения людей.

На аналогичные риски образовательной политики мы наталкиваемся всегда, когда вначале действуем, потом прогнозируем, а затем пожинаем последствия своих скороспелых действий.

Мы спешим ввести, как уже не раз отмечалось, «поголовное» профильное обучение, тем самым загоняя детей в узко-

колейки развития специальных способностей личности, вместо того чтобы через универсальное образование возвращать общую одаренность школьников как уникальное «культурное» средство (Л.С. Выготский) достижения успеха в стремительно изменяющемся мире профессий. Ведь не случайно именно в наши дни непрерывное образование становится социальной нормой, которая оправдывает чуть измененную старую поговорку «хочешь жить – умей учиться». Короткий жизненный цикл знаний, навыков и специальностей в условиях информационного общества делает обычной охоту к перемене мест и профессий, а также доказывает, что широта мотивов и социальная компетентность личности могут превосходить широту интересов и специальных знаний профессий.

Во многом именно быстрый темп перемен в информационном обществе до предела обнажает системный кризис традиционных парадигм образования в разных странах мира, в том числе и в России. Не случайно один из известных социологов Германии с грустью назвал немецкую национальную систему профессионального образования призрачным вокзалом, с которого всё выходят и выходят поезда человеческих судеб в мир уже отмирающих профессий, измененной гибкой сферы занятости и новых рынков труда. И в этой ситуации мы по инерции прогнозируем рынок специальностей, оказываемся под гипнозом узкой специализации, почти не ставя задачу социально-экономического прогнозирования нарождающихся профессий.

Проектирование мобильного образования в мобильном мире, формирование социальной компетентности управленческих и педагогических кадров, развитие способности к обучению, обновление знаний и смена профессий в разных вариативных формах непрерывного образования выступают как своего рода критерии при обсуждении ряда инноваций в рамках концепции модернизации образования. Как достичь оптимального баланса между универсализацией и специализацией программ школьного общего и профессионального образования? Ведь универсализация образовательных программ выступает как предпосылка социальной, академической

и профессиональной мобильности в изменяющемся обществе. Не попадем ли мы с «поголовным», чуть ли не маниакальным увлечением формами профильного обучения в ситуацию, с иронией описанную Ф.М. Достоевским, когда больной насморком обращается к врачу, а тот, побряхтывая, отвечает: «Батенька, у вас насморк левой ноздри. Поезжайте в Париж, там вылечат». Не приведет ли эксперимент по профессиональному обучению к фабрике узкой специализации учеников, специалистов «по левой ноздре», которые порой и в высшей школе далеки от осознанного профессионального самоопределения?

Еще один из рисков образовательной политики – управленческий спринт в сфере начального и среднего профессионального образования (НПО и СПО). То, что модернизация в этой сфере не только назрела, но и перезрела, – уже аксиома образовательной политики. Вместе с тем без осознания причин ценностной деформации престижа в обществе рабочих профессий в сфере НПО и специальностей в сфере СПО, без понимания того, что в массовом сознании господствует «вузоцентризм», и того, что «человек разумный» (*Homo sapiens*) поглотил «человека труда» (*Homo faber*), мы рискуем предпринять действия, игнорирующие функцию начального и среднего профессионального образования как уникального института социализации, в том числе социализации, в которой закладываются ценностные установки общества по отношению к труду, связанному с практическим интеллектом человека. Хотел бы я посмотреть на того, кто бы в чисто «вузоцентристском» стиле предложил Левше прописать бизнес-план по подковке блохи. В результате подобных планов мы элиминируем ПТУ как класс, лихо сократим программы общего образования в сфере НПО и продолжим оставаться заложниками

узких специализаций и стандартов в этих сферах вроде анекдотичного в XXI в. стандарта «агент Сбербанка». И тогда, увы, получим социальный «эффект бабочки» во всей его красе.

Я говорю с болью о подобных рисках образовательной политики, потому что, если мы с вами будем действовать по формуле «Я знаю, как надо... Я вас научу, как надо», мы рискуем проиграть не только наше с вами будущее, но и наше настоящее. Чтобы этого не произошло, мы при осуществлении каждого управленческого действия должны прогнозировать его социальные и психологические последствия как для подрастающих поколений, так и для общества в целом.

Ведь все мы – и родители, и воспитатели детских садов, и учителя, и педагоги профессионального образования, и директора, и ректора, и управленцы самых разных уровней, и журналисты – по самой своей сути должны быть мастерами одной самой значимой в обществе школы – школы поколений. И таких мастеров в булгаковском смысле слова Борис Слуцкий щедро одарил строками «...Мои боги, мои педагоги».

Боги управляют молниями, а мастера школы поколений, в первую очередь – мастера образовательной политики, управляют рисками. Не случайно через все номера журнала «Образовательная политика» бегущей строкой проходит формула «Видеть. Предвидеть. Действовать». Поэтому сколь бы трудно нам ни было, будем помнить, что мы в ответе за тех, кого нужно понимать. Нужно именно понимать, а не приручать тех, чьи шаги будут пролагать торную дорогу второго десятилетия нашего сетевого века.

С Новым годом, мои боги, мои педагоги!

С Новым годом, читатели и авторы «Образовательной политики»!